

Возьмем ли мы на себя ответственность за бездействие, отказавшись от перевода богослужения, или почему в России распространено мнение, будто обращаться к Богу можно только на церковнославянском?

Мозгов Кирилл Анатольевич, 31 августа 2011г.

Вниманию читателей портала предлагается статья преподавателя Свято-Филаретовского института Кирилла Мозгова, посвященная размышлению на вопрос: почему в России распространено мнение, что обращаться к Богу можно только на церковнославянском языке?

В самом деле, почему? Ведь с проблемой богослужебного языка была совершенно незнакома Апостольская Церковь, со дня Пятидесятницы заговорившая сразу на всех языках – т.е. на языке каждого, к кому была обращена апостольская проповедь. История церкви на славянских землях началась с подвига святых Кирилла и Мефодия, пришедших к людям с проповедью и книгами на их языке. Мы чтим память свт. Стефана Пермского, свт. Иннокентия Московского и свт. Николая Японского, переводивших Писание и богослужение на зырянский, алеутский и японский языки соответственно. Почему же современный человек в России, приходя в церковь, каждый раз сталкивается с языковым барьером? Уже более 10 лет назад «... Синодальная богословская комиссия признала, что для сохранения особого языка богослужения нет никаких оснований. Можно ли вообще считать оправданным, с точки зрения веры в Боговоплощение, то противопоставление сакрального и профанного языков, которое характерно, скорее, для нехристианских религиозных традиций?». [\[1\]](#) А воз и ныне там...

Безусловно, каждый язык – творение Божье: и русский, и церковнославянский, и творение свв. Солунских братьев – старославянский язык, первый письменный язык всех славян (этот язык, возникший в IX веке на основании солунского диалекта южнославянского языка, изначально является близкородственным, но не тождественным древнерусскому языку). Но если мы говорим о языковой материи как таковой, очевидно, что носителю русского языка без особой подготовки понять церковнославянский, имеющий свою особую грамматику, лексику и во многом копирующий греческий синтаксис, невозможно. Например, развернутая система прошедших времен – аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект – в древнерусском языке была утрачена уже к XIII веку, а особые формы двойственного числа – на пару веков раньше. Что же касается заимствований из греческого синтаксиса, то такая конструкция как «Дательный самостоятельный» в русском языке вообще никогда не использовалась. Ощущение инородности создается не только за счет разницы в грамматиках, но и потому что церковнославянским языком была заимствована греческая поэтика, и первые тексты на только что созданном языке были в подавляющем большинстве своем переводами с греческого. Через возникшую в середине IX века письменность на славян буквально обрушилась почти двухтысячелетняя греческая литературная традиция. Как пишет акад. В.В. Виноградов, «общеславянский письменный язык начало свое получил за пределами Руси. Он формировался из славянского языкового материала при посредстве высокой греческой литературной и филологической культуры».

Богослужебный язык очевидным образом отличается (и должен отличаться) от языка повседневного общения. Но это не должны быть два разных языка. Отличие же церковнославянского языка от повседневной русской речи постоянно менялось на протяжении веков: во времена крещения Руси было одним, сегодня же стало другим. В основе ставшего литературным языком церковнославянского лежал язык староболгарский в его обоих диалектах – восточном и западном. Была в этом языке и некоторая доля языка чехо-моравского, проникшего в него еще в самом начале славянской письменности и затем позднее, в X-XI вв. Это произошло с помощью учеников Кирилла и Мефодия, переселившихся в Болгарию после изгнания их из Моравии. На старославянском языке русские люди впервые восприняли книжную славянскую речь, которая тогда была им вполне понятна. Старославянский язык и стал для них языком литературным. «Русская стихия с силой врывается в этот язык. <...> Таким образом, в эпоху Киевской Руси русский литературный язык быстро развивается в двух направлениях: язык народный обогащается

художественным опытом книжной литературы; язык славяно-русский проникается стихией живой восточнославянской речи. Промежуточное положение между этими двумя разновидностями древнерусской литературной речи занимает деловой язык, язык грамот и договоров»[2].

Единый для всех славян старославянский язык, для которого и была создана свв. Кириллом и Мефодием письменность, а также его наследник – церковнославянский язык – на несколько столетий становятся для славян языком культуры. Б.А. Успенский описывает эту ситуацию термином диглоссия[3], которую «можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык»[4]. Уже в XVI в. происходит разрушение диглоссии, а с XVII в. говорить о взаимоотношении двух языков в этих терминах вообще невозможно[5]. Попытки описывать современное состояние церковнославянского языка в России через понятие диглоссии выглядят совершенно искусственными, так как нарушены, по меньшей мере, два из трех основных ее условий. А именно: уже давно существует кодификация разговорного языка, поскольку у нас уже давно есть грамматика и многочисленные разнообразные словари русского языка. Кроме того, мы имеем параллельные тексты на русском и церковнославянском с одним и тем же содержанием. Это значит, что перевод стал в принципе возможен.

При этом хорошо известно[6], что тот извод церковнославянского языка, который ныне употребляется в Русской церкви, сформировался в XVII веке (т.е. является результатом Никоновских реформ) и с тех пор не претерпел серьезных изменений. Он существенно отличается как от языка первых переводов – старославянского – так и от языка времен преп. Сергия Радонежского или от того языка, на котором молился крестивший Русь князь Владимир. Первые века своего существования на Руси церковнославянский испытывал значительное влияние древнерусского языка (и сам активно на него влиял). В результате такого взаимовлияния и сложился древнерусский извод церковнославянского языка, используемый ныне старообрядцами. После sprawy к. XIV – нач. XV вв. и особенно после Никоновских реформ (преимущественно связанных с чинопоследованиями, но затронувшими и язык), церковнославянский практически утратил следы влияния на него русского языка, тем самым отдалившись от него после длительного периода естественного сближения. Таким образом, можно сказать, что с XVII в. и доныне богослужебный язык в целом пребывает в законсервированном состоянии, а любые изменения в нем носят искусственный характер.

Вопрос о возможности перевода богослужебных книг на русский язык появился тогда же. Во всяком случае, первые опыты относятся к уже к концу того же XVII в. («Псалтирь» Фирсова, перевод с польского)[7]. Но особенно остро этот вопрос встал в начале XX века в связи с подготовкой Поместного собора РПЦ. Тогда больше половины архиереев назвали в списке наиболее животрепещущих проблем непонятность богослужебного языка[8]. «Что поражает в дискуссиях той поры? Очень верное понимание того, что вопрос о языке – это не есть вопрос догматический, это не вопрос канонический»[9].

Церковнославянский язык используется в русской, украинской, белорусской, сербской и болгарской православных церквях. Но при этом в сербской официально богослужение на сербском языке введено уже с 70-х годов прошлого века, в болгарской на болгарском служат с 1990-х годов. Готовятся переводы и в украинской, и в белорусской церквях. Нигде введение в практику богослужения на национальном языке раскола не породило[10]. Более того, в Сербии это принесло церкви новое вдохновение. Церковнославянский в Сербии и Болгарии долгое время был местного извода. После освобождения Балкан Россией он был принудительно заменен на русский извод, который также используется в украинской и белорусской церквях. На Балканах этот вопрос начали решать еще в начале XX века, когда стали появляться первые систематические переводы на национальные языки (прежде всего сербский), что и породило довольно продолжительную дискуссию. Выбор стоял между сохранением церковнославянского русского извода, возврату к церковнославянскому сербского извода или к переходу на современный сербский. В результате было решено при сохранении в богослужении церковнославянского по желанию

прихода разрешить использовать в богослужении тексты на современных национальных языках – сначала в Сербии, затем и в Болгарии. К тому времени уже был подготовлен значительный корпус богослужебных переводов, в процессе обсуждения выработаны определенные переводческие принципы. Как показало недавнее исследование, большинство православных сербов очень хорошо относятся к возможности выбирать язык богослужения и предпочитают двуязычные издания богослужебных текстов независимо от того, на каком языке совершается само богослужение.

Почему же тогда идеологическое пугало раскола по-прежнему парализует церковь в России? Б.И. Сове писал: «Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никоне, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются ее заботы о улучшении богослужебного текста, которые являлись традиционными с конца XV в. и выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками – монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках»[\[11\]](#). Однако надо учитывать, что в случае с патриархом Никоном действительно имела место реформа, проведенная весьма спорными и сомнительными методами и с не менее сомнительными целями. Долгое время бытовало мнение, что Никон лишь хотел исправить церковные книги не только по славянским, но и по греческим, и притом древним, спискам, чтобы устранить все вкравшиеся со временем прибавки и новшества, а также погрешности переписчиков. Но «...беспристрастный анализ новоисправленных книг, которыми Русская Церковь и славянские балканские Церкви пользуются до сего дня, сравнительное изучение их с греческими и старопечатными книгами, последние работы русских историков и литургистов в начале XX в. установили новые факты, неизвестные даже корифеям русской исторической науки (например, Е.Е. Голубинскому), и показали дефекты справки[\[12\]](#). Никоновские справщики и их преемники, как выяснилось, не пользовались греческими «харатейными» книгами, как утверждало предисловие к Служебнику 1655 г. Привезенные в большом количестве (а на самом деле – не таком уж и большом, – см. Дмитриевский. Цит. соч. – прим. К.М.) для справщиков с Афона Арсением Сухановым греческие рукописи не были ими использованы, обогатив лишь Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку. ...Справщики разрешали задачу более просто, пользуясь печатными книгами, большей частью юго-западной печати»[\[13\]](#).

Свобода в выборе языка богослужения предполагает и определенную активную позицию в церковной жизни, и соответствующую ответственность за такой выбор. А это не позволяет окончательно закостенеть в устоявшихся – пусть и освященных веками – формах, часто к сегодняшнему дню уже потерявших или теряющих свое истинное содержание.

Никто не предлагает делать буквальные переводы с церковнославянского. Это странно само по себе, так как оригинал в подавляющем большинстве случаев – греческий. Только с него и нужно переводить, помня, что буквальные переводы давно не считаются лучшим вариантом. И если перевод – дело серьезное и продолжительное, с чем спорить невозможно, то тем более стоило бы начать этот процесс, не откладывая.

Разумеется, когда речь идет о необходимости ввести в богослужебное употребление живой русский язык, никто не говорит о замене церковнославянского бытовым (и лишь поэтому понятным) разговорным русским или корявым подстрочником. Это откровенная подмена, но ее тем не менее часто используют в своей аргументации сторонники неприкосновенности церковнославянского. Поводом для подобных рассуждений иногда являются переводы, осуществленные еще в XIX веке, например, проф. Е. Ловягиным, которые хотя и очень точно передают смысл, но не выдерживают стилистической критики и, конечно, не подходят для богослужебного употребления. Однако тогда ставилась совершенно другая задача – богослужебные тексты переводились, чтобы все желающие могли их лучше понимать. К тому же восприятие церковнославянского как языка «возвышенного» часто основывается именно на его непонятности – при иллюзии понимания текста на основании нескольких знакомых слов. Однако стоит отметить, что эстетический критерий, хотя он в данном случае безусловно важен, никак не может быть

признан определяющим. Для тех же, кто не может расстаться с церковнославянским языком по эстетическим или любым другим соображениям, должна оставаться возможность сохранения богослужения на нем. При этом принципиально важно, чтобы была возможность вводить в богослужение русский язык, формируя, таким образом, его новый – литургический – стиль. Как писал об этом акад. С.С. Аверинцев: «Дерзновение – великая ответственность. Но возьмем ли мы на себя более тяжелую ответственность – не за дело, а за бездействие?»^[14].

[1] Доклад председателя Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви митрополита Минского и Слуцкого Филарета Патриаршего Экзарха Всея Беларуси на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Москва, Храм Христа Спасителя, 13-16 августа 2000 года // Сайт ОВЦС (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/s2000r22.htm>.) Цит. по: Верховский Александр. Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001 гг. М., 2003. С. 207. См. также: Камчатнов А. СОПВО. С. 134.

[2] Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 10-64.

[3] «Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной(недиглоссийной) ситуации». (Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994. С. 5.)

[4] Там же. С. 6.

[5] Подробнее см.: Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.

[6] См., например: Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994 или Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX вв.). М., 2001.

[7] Исаченко-Лисовая Т. А. Псалтирь Авраамия Фирсова 1683 г. Особенности языка и перевода // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 12. № 3. М, 1984. С. 248-257.

[8] См. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1-2. М., 2004.

Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX вв.). М., 2001. С. 52-73.

[9] Митрофанов Г., прот. «Кифа», №11(37), ноябрь 2005 г.

[10] Мозгов К. «Современное состояние перевода богослужения на славянские языки». Доклад на студенческой конференции «Сретенские чтения» в марте 2009 г. // «Кифа», №6(96), апрель 2009 г.

[11] Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX- XX веках //Богословские труды. Сб.V. М., 1970 г.

[12] О том, откуда были заимствованы исправления, чье влияние они отразили, кто были основные «справщики» и какие цели преследовал сам патриарх Никон – см.: Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004.

[13] Сове. Б.И. Цит. соч.

[14] См. Интернет-ресурс <http://gazetakifa.ru/content/view/1721/12/>

<http://www.bogoslov.ru/text/1929089.html>